

Глава 1. ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

Предки Бакуниных были родом из Венгрии, точнее из Трансильвании (ныне части Румынии со значительной долей венгерского населения). В XVI веке прибыли ко двору великого князя московского Василия III — отца Иоанна Грозного — три брата из древнего венгерского рода Баториев (из коих в европейской истории наиболее знаменит Стефан Баторий, избранный польским королем и безуспешно осаждавший во времена Ливонской войны Псков). Звали их Зенислав, Батугерд и Анципитр. Поступив на русскую службу, Батории приняли православие. От старшего — Зенислава — пошли Бакунины, а от Батугерда (в православном крещении Дмитрия) пошли Батурины. О судьбе Анципитра ничего не известно. На дворянском гербе Бакуниных изображены эти два храбрых венгерца, стоящие у щита, на котором — дуб и серебряные волчьи зубы. К началу XIX века старинный бакунинский род был уже достаточно разветвленным. К нему, например, принадлежал один из лицейских товарищей Пушкина — Александр Бакунин, а его старшая сестра Екатерина стала первой любовью и музой будущего великого русского поэта.

Что касается нашего героя, Михаила Бакунина, он провел детство и юность в родовом дворянском гнезде — усадьбе Прямухино[1], расположенной на древней Тверской земле, в тридцати верстах от достопочтенного города Торжка. Имение раскинулось на берегу живописной речки Осуги, притока Тверцы, в свою очередь, впадающей в Волгу. В 1779 году Прямухино приобрел дед будущего пламенного революционера — екатерининский вельможа Михаил Васильевич Бакунин (1730–1803), в честь которого впоследствии и был назван внук Мишель, как его всегда именовали родные и друзья. (В Прямухине до сих пор сохранилась искусственная «дедушкина горка», сложенная по приказу первого хозяина из разновеликих валунов.)

Отец Мишеля, Александр Михайлович Бакунин (1765/68— 1854), переселился сюда на постоянное жительство в начале 90-х годов XVIII века. Русская аристократия эпохи Просвещения любила не только блеск Санкт-Петербурга, Москвы и европейских столиц, но и уединение в тиши родовых имений, среди необозримых русских просторов. За плечами Александра Михайловича к тому времени уже была насыщенная событиями жизнь. Еще совсем молодым, фактически отроком, Александр Бакунин отправился в Италию — по протекции влиятельного родича, служившего в Коллегии иностранных дел, он получил должность в российском посольстве в Турине. Должность у юного дипломата была необременительная: сейчас бы сказали — секретарь канцелярии, тогда говорили — актуариус (то есть человек, ведавший актами). По Табели о рангах это был самый низший чин — XIV класса. Относительная свобода позволила Бакунину поступить в Падуанский университет. Он окончил его блестяще в 1789 году, ознаменовавшемся началом Великой французской революции, более того, защитил на философском факультете диссертацию по

гельминтологии — науке о глистах, стал доктором философии (такие вот перипетии научной карьеры!) и даже был избран членом-корреспондентом Туринской академии наук.

В годы учебы и службы Александр побывал и в других европейских странах. По семейным преданиям, в столице Франции он оказался как раз в день взятия Бастилии. Увиденное потрясло юношу, и с тех пор любые революционные идеи вызывали у него полное неприятие. «Не лучше ли, при свете зарева от пожара всей Европы найти в самой России прочные материалы будущего ее благосостояния», — писал впоследствии Александр Михайлович.

Весной 1790 года полный надежд и планов молодой человек вернулся в Россию и уже в следующем году вышел в отставку. Но прежде чем уединиться в родовом имении, Александр Бакунин некоторое время жил в Петербурге и был членом литературного кружка своего друга и родственника Николая Александровича Львова (1753–1803): они познакомились еще в Италии.

Членами и гостями этого высокоинтеллектуального содружества в разное время являлись поэты Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, И. И. Хемнидер, В. В. Капнист, А. С. Хвостов, будущий историк Н. М. Карамзин, художники Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский (написавшие портреты многих членов кружка или их близких), а также А. Н. Оленин, М. Н. Муравьев (отец будущего декабриста Никиты Муравьева) и другие. Глава кружка Н. А. Львов, получивший от современников эпитеты «гений вкуса» и «любимое дитя всех художеств», был подлинным сыном эпохи Просвещения — ученым-энциклопедистом, поэтом, фольклористом, музыкантом, композитором, создавшим несколько опер, выдающимся архитектором, автором 87 проектов классицистских шедевров в Санкт-Петербурге и других городах России и одним из основоположников русского садово-паркового искусства. По заданию императрицы Львов обследовал на Кавказе источники минеральных вод, открыл месторождение каменного угля на Валдае, изобрел новый строительный материал для кровель (так называемый «каменный картон» типа современного рубероида), разработал простой и экономичный способ возведения глинобитных домов, сконструировал бумагоделательную машину, занимался проблемами отопления и вентиляции (написал на эту тему трактат «Пиростатика воздушных печей»). Он сделал несколько открытий — среди них знаменитый Тмутараканский камень и летопись, включавшая единственную сохранившуюся рукопись «Хождения за три моря» Афанасия Никитина (впоследствии летопись получила название Львовская). Один из первых сборников русских народных песен был составлен и опубликован тоже им.

Дружба А. М. Бакунина и Н. А. Львова продолжалась до самой смерти последнего. Родственниками они были дальними. Львов женился на двоюродной сестре Александра Михайловича, с коей обвенчался тайно — ее родителям претендент на руку дочери казался недостаточно родовитым. У обер-прокурора Сената А. А. Дьякова было три дочери — Мария, Александра и Дарья. Первая вышла замуж за Н. А. Львова, вторая стала женой В. В. Капниста, третья — второй женой Г. Р. Державина. Имения Бакуниных и Львовых соседствовали в Новоторжском уезде Тверской губернии. Представители обеих семей часто наезжали друг к другу в гости. В 1820-е годы, уже после смерти Николая Александровича, в Прямухине по его проекту была воздвигнута двухъярусная Троицкая церковь —

великолепный образец классицистской архитектуры, который и сегодня поражает своим изяществом.

Жизнь Александра Михайловича Бакунина в Прямухине достойна отдельной книги. Сам же владелец имения оставил потомкам летопись бакунинской семьи, облаченную в стихотворную форму. Это поэма «Осуга». Она не предназначалась для публикации, но однажды Александр Михайлович все-таки согласился ее издать. И уговорил его не кто иной, как Белинский во время одного из посещений Прямухина. Однако вскоре редактируемый «неистовым Виссарионом» журнал «Московский наблюдатель» был закрыт цензурой и публикация поэмы «Осуга» «задержалась» почти на полтора века[2]. За много лет бакунинская поэтическая реликвия была зачитана, что называется, до дыр, и ее пришлось переписывать заново. Поэма — довольно большая, изобилует многочисленными «лирическими отступлениями», но и сейчас читается с интересом:

Красуйся, тихая Осуга,
Душа прямухинских полей
И верная моя подруга,
Кормилица моих детей. <...>

За несколько лет А. М. Бакунин превратил свое имение в образцовое хозяйство. Здесь постоянно что-то строилось, благоустраивалось — разбивались сады, цветники и оранжереи, появлялись разного рода ландшафтные диковинки — гроты, каскады, водоемы, мостики. В Прямухине работали винный завод, лесопильная мельница, позже вошла в строй ткацкая фабрика и было налажено бумагоделательное производство. Крестьян, коих насчитывалось около тысячи мужеского полу (женщины и дети в расчет не брались), держали в строгости, для них даже была написана особая «конституция», но народ не понял и не принял нововведений. Просвещенный хозяин продолжал заниматься наукой, сочинял стихи, переписывался с великомудрыми друзьями, общался с соседями. Авторитет А. М. Бакунина был так высок, что в 1806 году его избрали предводителем дворянства Тверской губернии.

Плоды своих раздумий А. М. Бакунин изложил в ряде трактатов и эссе. Среди них — «О народном характере», «О садах», «О климате», «Опыт мифологии русской» и др. Дошедшие до нас рукописи пестрят именами Вольтера, Фенелона, Монтескье, Руссо, Гельвеция, Кондильяка, Бентама и других деятелей эпохи Просвещения. Кредо их тверского последователя: «Не просвещение от наук бывает, а успехи наук от просвещения». Много работ, еще ждущих своего опубликования, посвящены русской истории. Среди них — скрупулезный разбор Несторовой летописи. Позиция Александра Михайловича по поводу происхождения государства Российского коренным образом отличалась от взглядов его приятеля по львовскому кружку Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), быстро превратившихся в официозную точку зрения русского самодержавия.

В отличие от Карамзина, утверждавшего, что русская история началась с призвания варяжских князей (их к тому же знаменитый историк называл скандинавами), Бакунин считал варягов славяно-русским племенем. В написанной им на склоне лет (в 1832 году) поэме «О, слепота, — порок большой» (к тому времени автор полностью ослеп) есть такие

строки: «Прочти внимательней бумаги, / И ясно ты увидишь сам, / Что в совокупности варяги / Отдельный русь была народ...» О Рюрике же говорится, что он «был природный русс», чтивший «русов древние уставы». Довелось Бакунину отстаивать свое мнение и в прямой дискуссии с Карамзиным. Во время одного из приездов в Тверь дворянский предводитель вступил в полемику со знаменитым историографом по поводу происхождения слова «русь» в присутствии великой княгини Екатерины Павловны, любимой сестры Александра I, чей двор тогда находился в этом городе, в царском путевом дворце. Согласно дневниковым записям А. М. Бакунина, Карамзин упрямо и необидительно доказывал скандинавское происхождение древнерусской народности, а относительно «руси» заявлял, что это шведы. Великая княгиня по достоинству оценила эрудицию Александра Михайловича и в качестве поощрения позволила ему пользоваться своей обширной библиотекой, где ему по присланным запискам незамедлительно выдавали нужные книги.

Свои взгляды на древнюю историю Руси Александр Михайлович изложил в небольшом трактате, отправленном из Прямухина в Петербург своему другу, родственнику и единомышленнику А. Н. Оленину и лишь недавно извлеченном из архива и опубликованном. По мнению А. М. Бакунина, история России начинается с незапамятных времен: Геродотовы скифы — это, по существу, прапредки русского народа, издревле имевшего высокую культуру и письменность, а призвание князей в давным-давно процветавший Великий Новгород произошло спустя тысячелетия после других, не менее значительных событий. Удивительно по-современному звучат некоторые мысли, доверенные бумаге еще в начале XIX века:

«Древние предания о скифах-гиперборейцах свидетельствуют нам о просвещении славян. Оно созидало их благополучие, а не развращало нравов. Письмена необходимы были их торговле, и славяне заимствовали их у финикиан, буде не в наследие получили от славян гиперборейских. Утрата древних рукописей не есть доказательство их невежества. Греки, всех опричь себя варварами нарицающие, присвоили славян, называя их греко-скифами, но славяне еще до греков имели богов, героев и мудрецов своих».

В упомянутой же выше незавершенной поэме развернуты панорамные сцены с участием языческих богов Перуна и Велеса (Волоса), а также угро-финского верховного божества Юмила. Вот, к примеру, описание шествия Перуна:

Перун на вороном коне
И бело-бархатной попоне,
Из туч в истканном балахоне,
С огромным тулом на спине
И страшным пуком стрел громовых,
Разить и жечь всегда готовых.
Стопудовая булава
Была хлыстом, и голова
С пивной котел, и шлем пернатый —
Как пламенем овин объятый... <...>

Свои исторические антикарамзинские взгляды Александр Михайлович, естественно, излагал своим детям, стараясь расширить их кругозор. Впоследствии его знаменитый старший сын вспоминал об отце:

«Это был человек большого ума, очень образованный, даже ученый, очень либеральный и большой филантроп. Он был деистом, не был атеистом, но был свободомыслящим и находился в сношении со всеми знаменитостями тогдашней европейской науки и философии. Таким образом, он представлял полный контраст настроению, господствующему в тогдашней России. <...> Отец очень много путешествовал и много рассказывал нам о своих путешествиях. Одним из самых любимых наших чтений было описание путешествий, и эти книги мы всегда читали вместе с ним. Мой отец был очень образованным натуралистом. Он обожал природу и внушил нам эту любовь, эту пламенную любознательность относительно всех явлений природы, не дав нам, однако, ни малейшего научного понятия о них. Путешествовать, видеть новые страны стало заветной мечтой всех нас — детей. Эта мечта — постоянная, упорная — развила мою фантазию. В минуты досуга я измышлял всевозможные истории, в которых я всегда воображал себя убегающим из отцовского дома за тридевять земель в поисках приключений. Вместе с тем я очень любил своих братьев и сестер, сестер в особенности, и благоговел перед отцом как перед святыней».

И все же был один важный вопрос, по которому позиции отца и сына оказались непримиримыми. Александр Михайлович был твердокаменным государственным, приверженцем абсолютной монархии и помещиком-крепостником, уверенным, что сильная и процветающая Россия может существовать на основе крепостного права и полной (рабской по сути) зависимости крестьян от «благодетельных» хозяев-феодалов. Он полагал: трехдневная барщина, чередуемая с тремя днями работы на себя, — это и есть подлинная социальная гармония между крестьянским и дворянским сословиями. Мысль эту Александр Михайлович даже попытался выразить в простодушных стихах:

Разделом дней наполовину
Полусвободный селянин,
Три дня давая господину,
Другие три — свой господин.
На сей незыблемой основе
Покоится святая Русь.
И в ненавистном рабстве слове
Взаимный кроется союз. <...>

Другие свои идеи на сей счет он обстоятельно излагал на бумаге: «В странах теплых, богато и густо населенных, обилующих множеством образованных и праздных людей, ограниченные монархии еще могут существовать без особого неудобства; но при наших просторах, суровом климате и ввиду неустанной европейской вражды мы не можем переносить атрибуты верховной власти в руки другого сословия, не только не подготовленного к политической жизни, но и, по своему младенчеству, и не научившегося еще уважению к законам, если только закон не подкреплён механической силой. Поэтому самодержавие представляется у нас не столько необходимым или нужным для интересов династических, сколько потребностью для народа и безопасностью государственной. <...>

Для всякого честного и просвещенного человека существует один путь — посильное поддержание власти и существующих законов. Как бы ни была плоха по временам эта власть, но до последней капли крови следует за нее стоять и умирать. Не путем анархии (.), насилия и заговоров против правительства мы можем достигнуть благоденствия, но распространяя в народе любовь к труду, трезвости, порядку, чистоплотности и честности, ознакомляя его с ремеслами и искусствами и развивая просвещение, мы получим возможность исторгнуть его из нищеты и с тем вместе создать дорогие учреждения, существующие на Западе вследствие громадного перевеса общественного богатства (выделено мной. — В. Д.)».

Пройдет не так уж много времени, и его знаменитый на весь мир сын использует эти рассуждения отца: они послужат потрясателю государственных основ исходными точками для формулировок, сделанных как бы «от противного», и построения собственной анархической теории, отбрасывающей не только любые формы монархии, но и государства вообще...

Однако продолжим повествование о жизни Александра Михайловича Бакунина. Уже давно пора было ему устроить свою семейную жизнь. Ведь сорок лет исполнилось, а он все холостяковал. Не то чтобы женщин избегал, — просто никак не мог найти ту единственную, которой безбоязненно предложил бы руку и сердце. Наконец приглядел неподалеку, в соседском имении Баховкино, очаровательную, восемнадцатилетнюю веселую Вареньку Муравьеву! Несмотря на юный возраст, она уже успела прослыть светской львицей, вскружив голову не одному воздыхателю. Но Варенька оказалась девушкой сколь очаровательной, столь и неприступной. Сорокапятилетний претендент на ее руку и сердце не произвел на девушку впечатления, вокруг было много достойных женихов и помоложе.

Участившиеся визиты Бакунина в соседское имение теплоты в их отношениях не прибавили. И кончилось все тем, что Александр Михайлович, несмотря на свою рассудительность и положение, впал в меланхолию и отчаяние, как бы сегодня сказали, — в депрессию. Да в такую тяжелую, что принял роковое решение — застрелиться. Трудно сказать, решился бы он нажать на спусковой крючок, разделив тем самым вместе со многими другими жертвами безответной любви участь гётевского юного Вертера, если бы не поделился своим несчастьем с родной сестрой Татьяной, в замужестве Полторацкой.

Варенька Муравьева рано лишилась отца, благодаря которому она стала родственницей всех будущих декабристов Муравьевых. Овдовев, ее мать — тоже Варвара, но Михайловна — вскоре вторично вышла замуж за соседа Бакунина Павла Марковича Полторацкого. Татьяна Бакунина, став женой его брата — Александра Марковича, таким образом породнилась со всем семейством Полторацких и пользовалась особым расположением Вареньки Муравьевой. Она-то и рассказала ничего не подозревавшей девушке о безвыходном положении родного брата и принятом им роковом решении. После нескольких доверительных бесед на правах почти что тетушки Татьяна уговорила Вареньку согласиться на брак с Александром Михайловичем.

Венчание состоялось 16 октября 1810 года в прямухинской домово́й церкви. Дальнейшая совместная сорокачетырёхлетняя семейная жизнь Александра Михайловича и Варвары Александровны Бакуниных могла бы послужить сюжетом для классического романа со счастливым концом. У них родилось одиннадцать детей — пятеро сыновей и шестеро дочерей. Правда, одного ребенка они потеряли — в двухлетнем возрасте умерла младшая дочь Софья. После рождения каждого ребенка счастливый отец сажал в парке липу, так что спустя тринадцать лет после венчания Александра Михайловича и Варвары Александровны появилась новая аллея. И у каждого дерева было свое имя, данное в честь детей: Любовь (1811), Варвара (1812), Михаил (1814), Татьяна (1815), Александра (1816), Николай (1818), Илья (1819), Павел (1820), Александр (1821), Алексей (1823), Софья (1824)[3].

Лишь однажды размеренное дворянское житье-бытьё и безмятежная сельская идиллия были прерваны — вторжением Наполеона в Россию в 1812 году. После падения Смоленска открылась прямая дорога не только на Москву, но и на Петербург — через Ржев и Вышний Волочёк. Бакунинские земли оказались на их пути. В Твери, как и в других российских городах, формировалось ополчение — по одному человеку мужского полу от двадцати пяти крепостных душ. Александр Михайлович на свои деньги купил пороха, свинца, раздал крестьянам и дворовым тридцать ружей, шестьдесят сабель и несколько сот пик. Дворяне с домочадцами и скарбом собрались в Торжке, запрудив город возами и каретами, готовые при первой команде эвакуироваться в Великий Новгород и далее — в Петербург. Но французы двинулись на Москву. Остальное известно...

Существовала, правда, красивая семейная легенда, не подтвержденная документально, что Кутузов, являвшийся дальним родственником Бакуниных, останавливался ненадолго в Прямухине, когда ехал из Петербурга в действующую армию. Впоследствии два возвышения на Красивом холме в прямухинском парке были названы «кутузовскими горками», а на их вершинах водружены памятные камни. Рассказывали, что вплоть до изгнания Наполеона из России хозяин имения каждый день посылал на «кутузовские горки», с коих видно было далеко окрест, мужиков следить за дорогой: не покажется вдали коляска в сопровождении отряда верховых и не заглянет ли еще раз в Прямухино Михаил Илларионович — победитель ненавистного супостата...

После войны у Александра Михайловича и Варвары Александровны Бакуниных родился первый сын, названный Михаилом. В семейных заметках отца записано: «Года тысяча восемьсот четырнадцатого, майя осьмнадцатого, в Духов день, в пять часов с половиною родился наш Миша». Рожденные в Духов день считались отмеченными особой печатью судьбы. Для Михаила Бакунина это поверье сбылось в полной мере.

О детских годах Михаила сведений сохранилось очень мало. Его жизнь как бы растворилась в жизни всей семьи, которая протекала по раз и навсегда заведенному распорядку, где авторитет родителей считался непререкаемым, а установленные ими правила поведения не подлежали обсуждению.

Говоря словами Александра Блока, в Прямухине, как и в тысяче других дворянских гнезд, «звучала музыка старых русских семей». «<...> Я наслаждался бессознательно чудною прямухинскою жизнью, — рассказывал юный Мишель, наслаждался бессознательной

любовью окружающих меня; я не понимал смысла разлуки. <...> Мне становилось холодно, видя себя окруженным людьми мне совершенно чуждыми, когда я не находил возле себя ни одного из тех родных и милых образов людей, которых я любил, сам не зная, что я их любил. Прямухино сделалось для меня с тех пор Меккою, к которой стремились все мои желания, все мои движения, все мои помышления. <...>». Он будет вспоминать «прямухинский рай» и в пору своего безоблачного и безмятежного детства, и в мятежной юности, и в беспокойной зрелости, и в рано подкравшейся старости.

Для воплощения главного принципа эпохи Просвещения — «ближе к природе» — прямухинское раздолье предоставляло почти что идеальные условия. Вырастившие десятерых детей Александр Михайлович и Варвара Александровна выработали простой, но действенный воспитательный кодекс. В изложении главы семейства он выглядел следующим образом:

- «1. Приобретать ласковым, дружеским и снисходительным обращением искренность и любовь детей своих.
2. Не оскорблять их несогласием не только с моими прихотями, но и со мнениями, и когда нужно вывести их из заблуждения, убеждать их в истине советами, примерами, рассудком, а не отеческою властью.
3. Отнюдь не требовать, чтобы они меня исключительно любили, но радоваться новым связям их, лишь бы непорочны были, как залогом будущего их и, по смерти моей, благополучия.
4. Стремиться, чтобы они праздными никогда не были и жили по возможности нашей весело и приятно.
5. Как скоро достигнут совершенного возраста, сделать их соучастниками нашего имущества...
6. Не требовать, чтобы дети мои волею или неволею богомольничали, а внушать им, что религия единственное основание всех добродетелей и всего нашего благополучия...»

Дети прекрасно осознавали ведущую (и можно сказать — выдающуюся) роль отца в собственном воспитании. Позже в одном из писем к родителю Михаил писал: «Вы были для нас всех чем-то великим, выходящим из ряда обыкновенных людей. Вы редко бранили и, кажется, ни разу не наказывали нас... Я помню, с какой любовью, с какой снисходительностью и с каким горячим вниманием вы слушали нашу детскую болтовню... Я никогда не забуду этих вечерних прогулок... где вы рассказывали какой-нибудь исторический анекдот или сказку, где вы заставляли нас отыскивать редкое у нас растение... Помню еще один лунный вечер: небо было чисто и усеяно звездами, мы шли в Мытницкую рощу, и вы рассказывали нам историю солнца, месяца, туч, грома, молнии и т. д. Наконец, я помню зимние вечера, в которые мы всегда читали “Robinson Crusoe” [роман Д. Дефо «Робинзон Крузо»], и это было для нас таким великим, таким неограниченным наслаждением. <...>».

А своим братьям и сестрам Мишель писал об отце следующее: «<...> В детстве нашем он был нашим благодетелем, он воспитал в нас любовь к природе и чувство прекрасного, он положил основание той дружбе, которая нас всех связывает; без него мать погубила бы и развратила бы нас. Он был нашим ангелом-хранителем в нашем детстве».

Отношения с матерью у всех (и у Михаила в особенности) было более сложным. Занимаясь в первую очередь очередным родившимся младенцем, она как бы забывала о старших детях, но вместе с тем была с ними властной и даже деспотичной. На фоне мягкого и деликатного отца такое отношение матери приводило в отчаяние дочерей и сыновей, а у Михаила вызывало возмущение и протест. Постепенно это привело к чуть ли не полному отчуждению между матерью и старшим сыном. Варвара Александровна безосновательно считала, что Мишель лишил ее любви и доверия дочерей. Действительно, Любенька (именно так звали ее все окружающие), Варя, Таня и Саша предпочитали делиться своими секретами со старшим братом, но не с матерью, однако виновата в этом, скорее всего, была она сама.

Судя по более поздней переписке и туманным намекам Михаила, можно предположить, что в пору его отрочества или юности в семье случилось какое-то из ряда вон выходящее событие, связанное именно с матерью, и которое ей старший сын очень долго не мог простить. Но что это было за событие — неизвестно. (Нормальные отношения между матерью и сыном установились лишь незадолго до ее смерти, когда она несколько раз навестила Мишеля, находившегося в пожизненном заключении в Петропавловской крепости, и добилась аудиенции у царя, чтобы вручить прошение о смягчении участи сына.) Тем не менее уже при жизни Бакунина сопровождала легенда о том, что якобы любовь к свободе и ненависть к притеснениям зародились у него в раннем детстве как естественная реакция на деспотизм матери. Подобное убеждение существовало в среде русской революционной молодежи и после смерти Бакунина (о чем можно прочесть в опубликованных мемуарах).

Детей в Прямухине обучали как порознь, так и всех вместе. Отец преподавал натуральную историю (естественные науки, по современной терминологии), включая физику, зоологию, ботанику, а также географию, космографию и конечно же мировую и отечественную историю. Мать помогала гувернанткам там, где считала себя в наибольшей степени сведущей, — в иностранных языках, рисовании, музыке, сольном и хоровом пении. В доме общались на пяти языках — русском, немецком, французском, английском и итальянском. Отличная домашняя библиотека, собранная Александром Михайловичем, постоянно пополнялась новинками отечественной и зарубежной литературы, свежими столичными газетами и журналами. Семья любила собираться в гостиной для музицирования, пения и чтения вслух. Среди любимых авторов были Ломоносов, Жуковский, Крылов, Грибоедов, Пушкин, Гоголь. В поэме «Осуга» бессмертная гоголевская комедия «Ревизор» названа «осьмым чудом света». Здесь же воссоздаются эмоциональная атмосфера, царившая в доме, и торжественное настроение автора стихов:

Когда вечернею порою
Сберется вместе вся семья,
Пчелиному подобна рою,
То я счастливее царя.

<...>

Кто с книгою, кто с рукодельем,
Беседуя в кругу стола,
Мешаючи дела с бездельем —
Чтоб не сойти от дел с ума.
В беседе, где, нахмутив брови,
Молчат, закупорив уста,
Поверьте мне, что нет любви
И, верно, совесть нечиста.

Можно представить также регулярные (в духе Руссо и Песталоцци) познавательные прогулки по парку и лесу, когда Александр Михайлович — натуралист до мозга костей — прививал детям любовь к русской природе, учил их различать птичьи голоса, разбираться в травах и цветах. Особое удовольствие доставляли весенняя посадка плодовых деревьев и кустарников, осенний сбор урожая. Девочки помогали матери разбивать цветники и, как было принято в те времена, прилежно составляли гербарий. Мальчики учились ориентироваться по компасу и определять по солнцу стороны света. И на солнечных лужайках, и в гостиной нередко звучали народные песни, любовь к которым Александру Михайловичу Бакунину привил любезный друг Николай Александрович Львов — один из первых собирателей и систематизаторов песенного фольклора.

Спустя много лет Михаил Бакунин в письме к сестре Варваре вспоминал об этом замечательном времени: «Помнишь, как мы вставали рано по утрам перед заутреней и гуляли по нашему милому прямухинскому саду и любовались паутинами, расстилавшимися по листьям и между деревьями, и ходили на мельницу смотреть, как мельник вынимал рыбу; помнишь, как по вечерам при лунном сиянии мы прохаживались гуртом подле сараев и пели. <...> Помнишь, как по зимним вечерам с папенькою мы читали Robinson Susse [роман Й.-Д. Висса «Швейцарский Робинзон»], и ты была влюблена в Фрица, — помнишь, как ты ревела, задавив своего ручного воробья, и как мы его торжественно хоронили. <...> Не знаю, помнишь ли ты все это, но я ничего не позабыл, и когда я вспоминаю время нашего детства, мне становится свежо на душе».

Популярный романист того времени, не забытый и поныне Иван Иванович Лажечников (1790–1869), запечатлел жизнь семьи Бакуниных в Прямухине в своих заметках. Во время Отечественной войны Лажечников дошел до Парижа и написал блестящие мемуары. После войны вышел в отставку и со временем обосновался в Твери, где занимал должность директора гимназии. Здесь же расцвело и его литературное дарование. Лажечников дружил с Александром Михайловичем, неоднократно приезжал погостить в его имение, а в тверской гимназии учились четверо сыновей Бакунина (все, кроме Мишеля, получившего исключительно домашнее воспитание). К тому времени Бакунины обзавелись домом и в Твери, его, впрочем, они не слишком жаловали. О Прямухине и его обитателях Лажечников писал:

«В одном из уездов Тверской губернии есть уголок, на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие могла только собрать в стране семимесячных снегов. Кажется, на этой живописной местности река течет

игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях.

Да и семейство, живущее в этом уголке, как-то особенно награждено душевными дарами. Как тепло в нем сердцу, как ум и талант в нем разыгрывались, как было в нем привольно всему доброму и благородному! Художник, музыкант, писатель, учитель, студент или просто добрый и честный человек были в нем обласканы ровно, несмотря на состояние и рождение. Казалось мне, бедности-то и отдавали в нем первое место. Посетители его, всегда многочисленные, считали себя в нем не гостями, а принадлежащими к семейству.

Душою дома был глава его, патриарх округа. Как хорош был этот величавый, с лишком семидесятилетний старец, с не покидающей его улыбкой, с белыми падающими на плечи волосами, с голубыми глазами, невидящими, как у Гомера, но с душою глубоко зрячего, среди молодых людей, в кругу которых он особенно любил находиться и которых не тревожил своим присутствием. Ни одна свободная речь не останавливалась от его прихода. В нем забывали года, свыкнувшись только с его добротой и умом. Он учился в одном из знаменитых в свое время итальянских университетов, служил недолго, не гонялся за почестями, доступными ему по рождению и связям его, дослужился до неважного чина и с молодых лет поселился в деревне, под сень посаженных его собственною рукою кедров.

Только два раза вырывали его из сельского убежища обязанности губернского предводителя дворянства и почетного попечителя гимназии. Он любил все прекрасное, природу, особенно цветы, литературу, музыку и лепет младенца в колыбели, и пожатие нежной руки женщины, и красноречивую тишину могилы. Что любил он, то любила его жена и приятная женщина, любили дети, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнее. Откуда, с каких концов России ни стекались к нему посетители!»[4]

* * *

Всеобщий любимец Мишель рано проявил незаурядные интеллектуальные способности, глубоко разбирался в искусстве, особенно в музыке, прекрасно играл на скрипке и почти что профессионально рисовал (сохранилось два его замечательных автопортрета, выполненных в юношеском возрасте[5]). В нем так же рано проявились задатки лидера, и со временем его авторитет среди братьев и сестер стал почти непререкаем.

Брожение в дворянских кругах, в конечном счете вылившееся в восстание 14 декабря 1825 года, не обошло стороной и гостеприимное родовое гнездо Бакуниных. Пятеро братьев Муравьевых (трое из них участвовали в декабристском движении) приходились кузенами Варваре Александровне и, следовательно, двоюродными дядьями ее детям. Все они неоднократно приезжали в Прямухино. В 1816 году братья Муравьевы посадили перед домом Бакуниных дубок, который вырос и простоял там почти сто лет, получив прозвание «дуба декабристов». Родственные отношения связывали Варвару Александровну Бакунину и с другой ветвью муравьевского рода: казненный в числе пяти декабристов Сергей Иванович Муравьев-Апостол (как и его братья Матвей и Ипполит) приходился ей троюродным братом, но в Прямухине никогда не бывал.

В феврале 1816 года полковник Генерального штаба Александр Николаевич Муравьев (1792–1863) стал одним из основателей «Союза спасения», преобразованного в 1818 году в «Союз благоденствия». В деятельности обоих «союзов» принимал участие и другой брат — Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866), впрочем, быстро отошедший от тайного общества. В ходе следственного дознания он был оправдан по всем статьям и впоследствии, уже в 1860-е годы, «прославился» жестоким подавлением очередного польского восстания, за что получил приставку к своей фамилии — Виленский, а в народе был прозван Вешателем. Он и сам без тени смущения говорил: «Я не принадлежу к тем Муравьевым, которых вешают, а к тем, которые вешают».

Лидер декабристского движения Никита Михайлович Муравьев (1775–1843) в сентябре 1817 года также посещал Прямухино и оставил письменные свидетельства о своей встрече с кузиной Варей и ее мужем. В семье Бакуниных жило предание, что Александр Михайлович вместе с братьями Муравьевыми обсуждал документы тайного общества, демократические перспективы развития России и размежевания с заговорщицким, по их мнению, крылом Павла Пестеля. В этом был, в частности, убежден и его сын Михаил, ставший спустя двадцать лет ультрарадикальным революционером. В своих незавершенных воспоминаниях он высказался на сей счет более чем определенно. Судя по всему, именно в таком виде легенда передавалась из уст в уста в семействе Бакуниных:

«<...> Среди просвещенных людей, живших в то время в России, он (отец. — В. Д.) пользовался такой известностью, что его деревенский дом был всегда полон гостей. С 1817 по 1825 г. он состоял членом тайного “Северного общества”, того самого, которое в декабре 1825 г. сделало несчастную попытку поднять военное восстание в С.-Петербурге. Несколько раз ему предлагали быть председателем этого общества. Но он был большим скептиком, а с течением времени усвоил слишком большую осторожность, чтобы принять это предложение. Это-то избавило его от трагической, но славной участи многих его друзей и родственников, из которых иные были повешены в Петербурге в 1826 г., а другие были приговорены к каторжным работам или ссылке в Сибирь на поселение».

Документы же и письма, относившиеся к тому периоду, были уничтожены после подавления восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Считалось, что, повзрослев, Михаил стал очень похож на своих родичей из рода Муравьевых. Так в один голос утверждали те, кто знал их лично. Александр Иванович Герцен (1812–1870) в письме к известному французскому историку и литератору Жюлю Мишле писал, что на своих дядьев Муравьевых Бакунин «сильно походил своей высокой сутуловатой фигурой, светло-голубыми глазами, широким и квадратным лбом и даже довольно большим ртом». В этом же письме приводит и другое сравнение: «<...> Чтобы дать вам хоть какое-нибудь представление о внешности Бакунина, рекомендую вам старые портреты Спинозы, которые можно найти в нескольких немецких изданиях его произведений; между обоими этими лицами большое сходство». смущение, но даже не удивляли. Сам же я привык лгать, потому что искусная ложь в нашем юнкерском обществе не только не считалась пороком, но единогласно одобрялась. Во мне не было прежде сознательного религиозного чувства, но было религиозное чувство, тесно связанное с прямухинской жизнью, а в артиллерийском училище оно совершенно во мне исчезло, потому что в мое время во всех моих товарищах было самое холодное равнодушие ко всему святому, великому и благородному. Во мне заснула всякая духовность: я лгал,

выпрашивал у Княжевича денег под благовидным выдуманным предлогом. <...> В это время один из юнкеров заставил меня сделать два векселя, я сам сделал несколько долгов. В продолжение трех лет моего юнкерства я почти ничего не делал и работал только в последние месяцы года, чтобы выдержать экзамен».

А вот и более широкие обобщения, сделанные спустя сорок с лишним лет: «<...> Огромная масса нашего офицерства осталась тем же, чем была и прежде — грубой, невежественной и почти во всех отношениях вполне бессознательной, — ученье, кутеж, карты, пьянство и когда есть чем поживиться, именно в высших чинах, начиная с ротного или эскадронного или батареинного командира, правильное чуть ли не узаконенное воровство — составляют до сих пор ежедневную поблажку офицерской жизни в России. Это мир чрезвычайно пустой и дикий, даже когда говорят по-французски, но в этом мире, среди грубой и нелепой безалаберщины, его наполняющей, можно найти человеческое сердце, способность инстинктивно полюбить и понять все человеческое и при счастливой обстановке, при добром влиянии, способность сделаться совершенно сознательным другом народа».

Писатель Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) в одном из своих эссе проводит на первый взгляд парадоксальную параллель между Бакуниным и Лермонтовым. В самом деле, они были одноклассниками, учились фактически в одно и то же время в Петербурге, обоим было уготовано военное поприще, оба с ненавистью относились к военной муштре и казарменным порядкам. Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) поступил в 1832 году в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где провел, по его собственным словам, «два страшных года». Он окончил школу в 1834 году в звании корнета. Следовательно, Бакунин и Лермонтов, вполне возможно, встречались либо сталкивались на маневрах, парадах, балах или светских приемах. Но не в этом главное. Амфитеатров сравнивает судьбу обоих:

«Одна и та же эпоха выработала для мира наиболее европейского из русских поэтов и наиболее европейского из русских политических деятелей. Между ними много личной разницы и еще больше типического сходства. Если хотите, Бакунин — живое и замечательно полное воплощение той положительной половины Лермонтова, которой определяется его творческое, разрушением создающее революционное значение. В Бакунине не было ничего байронического — тем более на тон и лад русско-гвардейского разочарования тридцатых годов. У него не найдется ни одной черты, общей с тем Лермонтовым, который отразился в Печорине и “Демоне”, но зато он всю жизнь прожил тем Лермонтовым, который создал пламя и вихрь “Мцыри”. Если позволите так выразиться, он — Лермонтов без эгоистического неудачничества и без субъективных тормозов, Лермонтов, обращенный лицом вперед, к будущему, без грустных оглядок на прошлое, без “насмешек горьких обманутого сына над промотавшимся отцом”, Лермонтов, взятый вне современной действительности и весь устремленный в грядущие поколения, которые расцветают для него яркими красными розами бессмертной свободы.

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

По всей вероятности, Лермонтов, если бы дожил до лет политической зрелости, оказался бы силою революционною и, быть может, гораздо более мощною и эффективною, — даже, главное, эффективною, — чем сам Бакунин».

Какие замечательные слова и какой знаменательный вывод! Другую, более обобщенную, картину военного образования в Николаевскую эпоху рисует Герцен: «Военные училища в России ужасны, именно там, на глазах у самого императора, выращивают офицеров для его армии. Именно там “сокрушают душу” детям и приучают их к беспрекословному повиновению. Мощный дух и могучее тело Бакунина счастливо прошли через это суровое испытание. <...>».

Единственной ниточкой, которая связывала новоиспеченного юнкера с призрачным прошлым, оставались письма. Мишель писал часто — родителям и сестрам, всем вместе и каждому отдельно. Почти вся переписка уцелела. Благодаря ей мы знаем о многих интимных подробностях его жизни, интересах и формировании мировоззрения. Об избытке чувств и накале страстей молодого Бакунина можно судить, например, по его письму к сестрам от 2 марта 1830 года:

«Дорогие сестры! Как мне благодарить вас за вашу дружбу, которою я так дорожу? Будьте уверены, что я сумею стать достойным ее. <...> Да, дорогие сестры, вы не ошибаетесь, я люблю вас всею душою. Вы слишком дороги мне для того, чтобы я мог вас позабыть. Не бойтесь, дорогие сестры, надоесть мне вашими советами, которые свидетельствуют только о вашей дружбе, и ни один совет не действует так сильно на мое сердце, как ваши и советы моих родителей. Как мне благодарить вас, дорогие сестры, за то, что вы просили отца и мать написать мне? Их письма доставили мне столько радости! Я был вчера так рад, что вы не можете себе этого представить. Ах, дорогие сестры, как бы мне хотелось вас повидать! Вы так добры! Как бы мне хотелось сжать вас в своих объятиях. Все, кто вас видит, говорят так много хорошего о вас, что я люблю слушать разговоры на ваш счет.

Когда же мы снова увидимся? Я жду этого момента с таким нетерпением! Я вас так люблю. Еще два года — как неприятно звучат эти слова для слуха. Вы правы, дорогая Любенька, письма лишь в слишком слабой форме выражают наши чувства, и я всегда опасаюсь, чтобы мои письма не заставили вас усумниться в моей дружбе, которая, уверяю вас, вполне искренна. Как это мило с вашей стороны, дорогие сестры, что вы занимаетесь моими братьями, которые должны быть вам весьма признательны. Я уверен, что они вполне чувствуют то, что вы делаете для них, и что они сумеют оказаться достойными вашей дружбы. Николай и Павел уже составляют для вас утешение. Другие не замедлят стать таковыми же. Да, дорогие сестры, я уверен, что величайшая дружба будет царить между всеми нами. Мы будем вашею опорою, вы будете нашими подругами, и мы не сможем быть несчастными. Мне предстоит побороть еще много недостатков как, например, нерадивость, чревоугодие, даже леность, которая иногда меня посещает, и многое другое. Но с помощью терпения и доброй воли я надеюсь отделаться от них. Мысль о том, что это доставит удовольствие моим родителям и вам, поможет мне в этом».

Он спешит поделиться впечатлениями о прочитанных книгах и отечественных журналах. Читает все подряд. Очередной роман Михаила Загоскина сменяется настольной книгой

каждого просвещенного российского или европейского читателя — «Исследованием о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Его потрясает до глубины души стихотворение Пушкина «Клеветникам России», и он полностью цитирует его в одном из писем. Братьям советует читать античных историков — Геродота, Тацита, Тита Ливия, Диодора Сицилийского. Книги эти имелись в семейной библиотеке, и сам он конечно же давно их проштудировал.

Но только сестрам он рассказывает о своей первой любви. Предметом его юношеского обожания (как это вообще нередко случалось в роду Бакуниных и их окружения) стала кузина — Машенька Воейкова, внучка Николая Александровича Львова, женатого, как мы помним, на двоюродной сестре Александра Михайловича Бакунина Марии Дьяковой. Мишель впервые увидел ее, когда по приезду в Петербург нанес визит Львовым. Машенька была младше Михаила на неполных два года. Они сразу же подружились, читали вместе, гуляли. Но Машу вскоре увезли. Вернулась она в Петербург через три года шестнадцатилетней прелестницей. Михаила только что произвели в офицеры. Былая симпатия вспыхнула с новой силой и быстро переросла в настоящую любовь. В письме к сестрам, от которых у Мишеля не было тайн, он так характеризовал предмет своего обожания — «чрезвычайно проста, любезна, остроумна и сверх того очень красива».

Они встречались практически каждый день, участвовали в музыкальных и танцевальных вечерах, говорили о живописи. Впоследствии кузина Маша получит известность как художница (и заодно — детская писательница), а выйдя замуж за известного дипломата, историка и археолога Дмитрия Васильевича Поленова, станет матерью великого русского живописца Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927) и замечательной художницы-сказочницы Елены Дмитриевны Поленовой (1850–1898). И любовь к рисованию и живописи привила им именно мать — Мария Алексеевна Поленова, урожденная Воейкова (1816–1895). Бурный же ее и совершенно платонический роман с Мишелем Бакуниным окончился ничем. Маша вскоре уехала в Москву, подарив офицеру-артиллеристу на память сувенир и позволив поцеловать на прощание ручку. Михаил Бакунин долго бежал за возком через весь Петербург, пока силы не оставили его...

Увлечение кузиной вышло ему боком. Он подзапустил учебу, практически провалился на экзамене, к тому же, замеченный в городе в гражданской одежде (что запрещалось уставом), надерзил кому-то из начальства и был признан недостойным продолжать учение в старшем офицерском классе, а посему раньше времени был отправлен служить в войска — в самое захолустье, да еще с предписанием, чтобы в течение трех лет его обходили чином и ни отставки, ни отпуска не давали. После краткосрочной побывки в Прямухине прапорщик Бакунин отбыл в Западный край — сначала в Минскую, а затем в Гродненскую губернию. Место службы, где началась и вскоре завершилась его военная карьера, называлось странно — Картуз-Березка. О настроении Михаила можно судить по его письму к приятелю, написанному уже после отставки. «Вы можете вообразить, каково было мое положение: в глуши, в кругу скотов, а не людей, без одной книги и без надежды когда-нибудь вырваться из этого ада».

Книги, впрочем, позже появились. Дабы не тратить времени попусту, Михаил занялся совершенствованием своего знания немецкого языка, а польский начал изучать с нуля.

Также всерьез занялся всемирной и отечественной историей, обращая внимание не на хронологический поток событий, а на закономерности исторического процесса. Составил для себя памятку, призванную помочь осмыслению исторических сочинений: «Что замечать при чтении истории? Законы, суды, налоги, правление, королевская власть, королевское влияние в духовных делах, народное собрание, нравы, разврат, суеверие, понятия века, дух христианства, религия вообще, сила ее и влияние на политические происшествия, духовенство, его власть и нравы, раздоры церкви, распространение христианства, народное право, договоры, степень жестокости войны, дворянство, степень его власти, среднее состояние, рабство, освобождение рабов, сила мнения, действие слов на понятия».

Бакунин даже организовал офицерский кружок для изучения очень модной в ту пору философии Шеллинга. Философия в широком смысле данного понятия постепенно полностью овладеет им. Именно она помогла будущему диссиденту осмыслить суть закономерности бытия. Одновременно в его душе зарождаются протест против окружающей действительности и жажда свободы, которая только и позволяет преодолеть невзгоды и изменить жизнь к лучшему. Михаилу во многом импонировала шеллингианская концепция свободы, облаченная в предельно абстрактную форму. Шеллинг полагал, что истинно свободным может быть только тот индивид, в коем уживаются, непрерывно борясь друг с другом, противоположности (например, добро и зло). А чья душа, как не бакунинская, была сплошь соткана из мучительных противоречий? Теперь они будут сопровождать новообращенного любомудра до конца его дней.

Отныне он намерен штурмовать и завоевывать вершины научной истины только под флагом немецкого идеализма, олицетворением которого на данном этапе и стал Шеллинг. Но он уже знал и другие имена — Канта, Фихте, Гегеля. Их философские системы еще предстояло освоить. Они помогут ему понять противоречивую сущность окружающего мира и предназначение человека. Но поможет ли их философия сделать этот мир более совершенным, улучшить жизнь людей? Между тем для постижения проблемы свободы во всей ее полноте как минимум необходимо самому быть свободным. Следовательно, нужно побыстрее выбраться из провинциального захолустья и избавляться от мундира прапорщика.

Отец был категорически против выхода сына в отставку. Тот впервые не подчинился родительской воле, положив тем самым начало отчуждению. В начале 1835 года Михаила Бакунина направили в командировку в Тверь по интендантским делам артиллерийской бригады. Однако строптивый офицер незамедлительно проследовал в родное Прямухино, там сказался больным и подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Ходили слухи, что его через комендатуру пытались предать суду за самовольную отлучку, но Михаил сумел вовремя представить все необходимые медицинские документы, полностью его оправдывающие.

Отставку он получил после длительных хлопот и содействия влиятельных покровителей в Петербурге. Наконец все было позади, и отставной прапорщик (так он теперь до конца жизни будет именоваться во всех официальных документах) засобиравшись в Москву, полный сил, энергии и планов. Отец пытался устроить его чиновником по особым поручениям при тверском губернаторе, но сын наотрез отказался от ненавистной чиновничьей карьеры. Он

объявил, что отныне намерен посвятить себя философии, журналистике и науке, в недалеком будущем стать профессором Московского университета, а пока что добывать деньги для собственного содержания с помощью «математических уроков» для дворянских недорослей.

К тому времени Михаил вполне сформировался таким, каким его знали и помнили друзья и враги на протяжении последующих этапов его жизни: порывистый, вспыльчивый, способный кого угодно заразить своей увлеченностью, вместе с тем по-детски наивный и доверчивый, добрый и щедрый, готовый всегда прийти на помощь и отдать нуждающемуся последние деньги, постоянно вторгающийся в чужую жизнь, даже когда его об этом никто не просил. Последнее проявилось, в частности, в его постоянном вмешательстве в сердечные дела сестер, у которых, впрочем, никогда не было тайн от обожаемого Мишеля, как и у него от них. Врачевать же «сердечные недуги» он все больше предпочитал философскими рассуждениями. В письмах к сестрам совсем не редкостью, к примеру, стали такие пассажи: «Вы слишком много рассуждаете о себе и браните себя. Это нехорошо, это признак прекраснодушия. Помните, что в вас живут два “я”. Одно бессознательно истинное, бесконечное, — это ваша субстанция. И другое, ваше сознательное, конечное “я”, — это ваше субъективное определение. Вся жизнь состоит в том, чтобы сделать субъективным то, что в вас субстанционально, то есть возвысить свою субъективность до своей субстанциональности и сделать ее бесконечностью. Вы славные девочки, в вас бесконечность, и потому не бойтесь за себя, а верьте, любите, мыслите и идите вперед». Самое замечательное, что сестры — все четыре — прекрасно понимали философские откровения Михаила, внимали каждому его слову и были готовы, не колеблясь, последовать за братом «из царства субъективности в бесконечность»...

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 июня 2025 18:40:58

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 июня 2025 18:47:43